

А доверия все равно не снискали. Даже и у в рас-
сеянии сушик. Все равно клеймят:

„союзники“.

Все Казачество, с большевиками дружившее, в ка-
вычки ставят:

„союзники“ —

Как один белый вождь пишет о казаках другому
вождю — красному.

Свой — своему. По душам.

... Не пора ли, братцы, и нам поговорить по душам?
Свой со своим? Не крайний ли час в слух свои думы
высказывать? И точки над и поставить? Не наболела
ли уж до отказа душа казачья?...

Наболела. А стыд, точно червь съел. Стыд за
самодумство наше. — Думы-то у нас у всех одни:
казачьи, — а как дойдет до слов, опять —

старые погудки.

Вот на днях, погибших за Казачество, вспоминали.
Много их было, погибших. И за каждого теплые речи
нашлись. Только председатели Рады, Рябонола, как-бы
случайно, мимоходом коснулись. Да и сконфузились.
А о мученике Кулабухове — ни слова. А знали и зна-
ют, что погиб-то он именно за Казачество. Но без
мишурных привесок Московских из „доблести“, „гер-
ности“, „бессмерности и т. д. Погиб, как казак, и только
за Казачество.

И потому о нем мы все еще только думаем.
Но вель чем дольше в груди вынашивается дума, тем
крепче решение. И память о нем в сердцах казаков бу-
дет жить до тех пор, пока на земле останется хоть
один казак...

Вечная память тебе, дорогой Алексей Иванович!..
Жертва нашей расточительности, своей кровью запла-
тивший за интересы ненавидящих нас.

Ни ты, ни мы не изменяли никому. Но были слиш-
ком широк и груды е. Свободные духом — хотели
и других видеть такими же. Мы не учли, что — „рож-
денный ползать — летать не может“.

Мы не учли, что нам по пути лишь с теми, кто
идет в бой, чтобы освободиться, а не с теми, кто
идут за кабалать.

Ты это предвидел и — погиб.

Вечная память погибшему за Казачество!

Вл. Куртин.

В чем дело?

(Жанчанин)*).

Как мне кажется, спор идет о способах борь-
бы с большевиками. Одни говорят, что русский народ
сам сумеет освободиться от большевиков и освобожден-
ная Москва дарует свободу угнетенным окраинам.
„В. К.“ говорит: мы хотим освободить Родные Краи и
предоставить им свободный выбор дальнейшего суще-
ствования.

Плохо ли это, или хорошо? Что лучше: останется-
ли у большевиков небольшая территория, или они рас-
пространят свою власть еще на какое нибудь государ-
ство? Будут ли они существовать и правствовать еще
двадцать лет — или скорое их свержение и предоста-
вление населению полной хозяйственной свободы?

И как же мало верят в хорошую судьбу русско-
го народа те, которые говорят, что ранее освободив-
шиеся окраины не захотят совместно жить с русским
народом. Если народ сумеет найти достойную и при-
влекательную форму своего дальнейшего государствен-
ного бытия и выработает приемлемую форму сосущест-
вования с окраинами, то нет оснований, чтобы послед-
ние отказались от этого.

Читая и видя поистине „странное раздражение“
русских общественно-политических деятелей при слове
„Казачество“, а тем более при словах о его законных
правах, искренно недоумеваешь: уж подлинно ли ве-
рят они сами, что „русский народ обаянием своей гря-

дуней великой культуры сумеет снова втянуть другие
народы в свою орбиту“?

Демонстраты из „П. К.“ не гонорят, как они хотят
создать свою Ф.Д.Р.Р. Видимо, думают, что она с не-
ба им упадет.

А вот такая непротыленческая в отношении боль-
шевиков и такая левая газета, как „Дни“ говорит —
надо бороться с большевиками и пишет:

„Главное — необходимо сбавить условия, при ко-
торых борьба за демократию становится возможной.
Сейчас в России невозможно мечтать о смене существ-
ующей деспотии сразу совершенной демократией, де-
мократией вообще...“ и объясняет почему: „нет психо-
логических достаточных для нее предпосылок. Их нуж-
но, их придется создавать, воссоздавать...“

Вот именно эту задачу „создавать, воссоздавать“
нормальные условия государственной жизни, „государ-
ственную и общественную машину сдвинуть с мертвой
точки большевизма“, „прорвать сталинскую
плотину“, по моему, поставило себе „В. К.“. Правда,
оно не собирается возлагать на казачьи плечи планет-
тарные задачи и не говорит об устройении Российского
государства. По разе это преступление?

„В. К.“ говорит: свободно высказываяя воля Ка-
зачества — закон.

Приняв это положение за основное и непреложное
для всякого казака и приведя пример, не невозможный,
зададим казакам-противникам „В. К.“ вопрос: допустим,
Казачество Юго-Востока и другие народы, его насе-
ляющие (при помощи-ли „В. К.“ или иностранного го-
сударства, это не меняет существа дела) палили в свое
силы и способ и, сбросив большевиков, образовали
Юго-Восточное Государство. При этом случайно или
сознательно, не огонорили „виредь, до...“ Что сделают
руководители „П. К.“ — поедут ли они в это государ-
ство или из своего прекрасного далека объявят его
предателем Казачества и врагом России? А если по-
едут, то с какой целью — с целью ли отдать все свои
силы посильному служенику этому государству или же
с целью снова повести казаков на борьбу с большеви-
ками, т. е., если не со всем русским народом, то хотя
бы с частью его?

Думаю, „В. К.“ с своей стороны на этот вопрос
даст исчерпывающий ответ. Также было бы хорошо,
если бы на него ответили без натяжек и туманностей,
а ясно и определенно и другие казачьи круги.

Сотрудник „П. К.“ М. А. Горчуков течение „В. К.“,
как тактический прием, готов принять и говорит: „м. б.,
действительно, более полезно предъявлять „счета“ с
запросом, чтобы было что скинуть в процессе торга с
будущей российской властью: нель неизвестно (а „Пути
Казачества“ известно), какая она будет, а по истори-
ческому опыту — от ней трудно ожидать должной
сбъективности и справедливости к Каза-
честву Этого, действительно, нельзя упускать из вни-
мания...“

Но дальше он пишет, что своих законных прав
„Казачество добьется только за „круглым столом“ со-
вета, а не на поле брани...“

Интересно знать, на каком историческом опыте
основана его уверенность, что за „круглым столом“
совета ему непременно дадут эти законные казачьи
права. От кого он собирается получить? Ему прекрас-
но известно, что будущая власть российского государ-
ства не упадет с неба, а составится из тех общественно-
политических, культурных деятелей, в совокупности
именуемых русской общественностью, которая в свое
очередь представлена в различных политических пар-
тиях и группировках. От кого из них Горчуков думает
получить свои казачьи права?

Нам хорошо известно, какие права казаки полу-
чили от большевиков. Знаем, что дали казакам стояв-
шие у власти правые круги и нет никакого основания
думать, чтобы они теперь воспылали любовью к Каза-
честву.

Мы слишком хорошо помним 1917 год. Разве он
не был самой свободнейшей, метеором пролетевшей

*) См. № 11 журнала.

эпохой в исторической жизни России? Что-же, получили от нее Казачество свои законные права, свою свободу? Разве не в этом году лучший сын Казачества и первый выборный Атаман Дона А. М. Каледин был объявлен прагом России?

Кто еще может пожаловать Казачеству его законные права? Разве что группа П. Н. Милюкова, послушным исполнителем воли которого, в силу партийной дисциплины, является редактор „П. К.“ В. А. Харламов?

Последний, видимо, преобладающее влияние в будущей российской власти отводит именно этой группе и от нее, вероятно, собирается получить все законные права Казачества*).

Но П. Н. Милюков загадочно молчит и свою казачью программу крепко хранит в тайне. Очевидно, она не так уж выгодна для Казачества. В противном случае его партийные товарищи-казаки не замедлили бы ею воспользоваться.

Так вот, повторяю, от кого же Горчуков думает получить законные казачьи права?

Тот же Горчуков ставит „В. К.“ вопрос: „Как они думают заставить Россию выделить их на свое суверенное хозяйство, или как они думают удержать это хозяйство за собой, если Россия не захочет этого выделения, которое было бы для нее лишней петлей на горле?“

*) Я это говорю потому, что Харламов в своем публичном докладе сказал, что всему левому, социалистическому сектору русской общественности нет места в будущей ФДРР, за что на него метал гром и молнии г. Керенский, хотя после появления „В. К.“ он замолчал и усиленно стал рекламировать „П. К.“. Награда за благонадежность? Характерно!

„В. К.“ говорит: будем бороться. Но почему такое заявление — преступление? Разве борьба за правое дело — преступление? Ведь законность казачьих прав признает и сам Горчуков.

Бесспорно, „хотение“ Россия может быть велико, но разве все российские „хотения“ закон, истина? Ну, а „хотение“ самого Казачества для Горчукова значит ли чтонибудь?

На тему „если“ можно бесконечно разговаривать. Воспользуясь и я ею и задам два вопроса:

1. Если русская власть за „круглым столом“ совета не даст (оба, конечно, „не захочет“) Казачеству его законных прав, а вместо этого мобилизует несколько военных округов против „мятежного“ Казачества, а последнее потребует от него, Горчукова, выполнения клятвы, данной им в качестве Члена Круга, защищать свое Отечество — Казачество, — как тогда поступит Горчуков?

2. „П. К.“ мыслит существование Казачества только в Федеративной Демократической Российской Республике.

Ну, а если на смену большевикам придет другая диктаторская власть, например, власт Маркова II и совершенно „не захочет“ не только слышать о Свободном Казачестве, но и разговаривать с казаком Харламовым?

Что тогда будет делать „П. К.“?

Только не надо отделяться общей фразой, что, мол, ФДРР — наш идеал и что Марков II к власти никогда не придет и т. д.

Шамба Балинов.

Международная жизнь.

Французские и германские парламентские выборы.

На протяжении последнего месяца состоялись парламентские выборы в двух главных государствах европейского континента: во Франции и в Германии. Политические круги Европы ждали этих выборов с интересом и не без некоторых опасений. Оба названные государства переживают сейчас период лихорадочной работы по восстановлению нормальных экономических и финансовых отношений в стране, и оба они работы этой до выборов далеко еще не закончили. Работа эта стала возможной сравнительно недавно. В сущности, всего только со дня заключения известного Локарнского договора и последовавшего затем репарационного соглашения, после которых вчерашние враги — Франция и Германия — более или менее успокоились, перестав ожидать какого либо неожиданного политического осложнения, могущего сорвать налаживающееся внутреннее оздоровление.

От результатов парламентских выборов зависело либо утвердить такое благоприятное положение на будущее, либо сорвать его. Последнее для обеих стран означало бы экономическую катастрофу, финансовое банкротство и полное расстройство внутренних политических отношений. Для Европы это было бы величайшим ударом, от которого трудно оправиться. Для коммунистов — мутной водой, в которой можно было бы с новой надеждой возродить культуру умирающих естественной смертью советских бацилл мировой революции. Понятен потому всеобщий интерес к этим, казался бы, нормальным, очередным выбором во французский и германский парламенты.

Особенные опасения вызывала Франция. Правительство Пуанкаре твердо рукою проводившее оздоровление страны и располагавшее значительным большинством в парламенте, и то же время не имело в нем достаточно прочной базы. Большинство это составилось два года тому назад, после того как предшест-

вующий кабинет так называемого левого „картеля“ привел страну к рубежу финансового банкротства. Пуанкаре явился в роли спасителя Франции, и бывшие члены левого картеля, вынуждены были, скрепя сердце, поддерживать его, выступая таким образом не только против других членов того же картеля, но и против своей собственной программы. Распуск парламента развязывал им руки и предоставлял полную свободу действий. Второю причиной опасений была непримиримая позиция, занятая по отношению к правительству Пуанкаре, сильной в парламенте социалистической партией. Тревожило также и то обстоятельство, что за последнее время, в явной связи с предстоящими выборами, чрезвычайно оживилась деятельность французских коммунистов, щедро снабженных московскими деньгами. Опасались, что в результате этого, Париж, его предместья, равно как и все крупные промышленные центры Франции станут очагами советской пропаганды и советского влияния. Волновало также и почти полная невозможность учета результата выборов, так как не задолго до своего роспуска, французский парламент принял закон, согласно которому аннулировалась система пропорциональных выборов, а восстановилась мажоритарная система, с одним кандидатом на округ, с правом перебаллотировки. А, как известно, эта последняя система дает почву для разного рода неожиданностей, особенно при перебаллотировке, самых неестественных политических соглашений между партиями, желающих во что бы то ни стало провести своих кандидатов.

Опасения не сбылись. Французы — народ рассудительный, французский избиратель отчетливо представил себе положение и голосовал за правительство Пуанкаре, а тем самым и за его программу. Все парламентские группы, которые поддерживали кабинет в его политике экономического оздоровления, вышли из выборов в увеличенном составе; все, что было против, проиграло. В новом парламенте, кабинет Пуанкаре будет иметь твердую базу из представителей центральных партий, а все большинство, на которое он сможет